Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Эмиль Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Тугап-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 6-7. **ИЮНЬ-ИЮЛЬ, 1922 г.** **2 серия.**

Содержание: Коммунальные услуги.—Из переписки учителя.—Из воспоминаний о П. А. Кропоткине. *А. А.*—Финансовый вопрос в социальной революции.—Новейшая эволюция права собственности.—Революционное движение и производительно-трудовая кооперация. *Ив. Артельный.*—Наша практическая программа.—Эмигранты.—„Дело" тов. Н. Павлова.—Тоже „идейные" экспроприаторы.

КОММУНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ.

Очевидно, в новой экономической политике, в этом последнем курсе советской власти, кроется какой-то врожденный грех, что советская печать так дружно поносит ее практические проявления.

После мер, безпримерных по своей решительности и беспечности, направленных к тому, чтобы руководить всем производством страны и размерять потребление во всех мелочах, советская власть вдруг об'явила народу: живите, как можете, только платите мне налоги.

Когда люди платят нам налоги, когда они делятся с нами своими барышами, то, право, мы невольно становимся соучастниками их грехов.

Одному убийце, перед казнью, предложили покаяться.

—В чем? Я убил, меня убивают. Мы квиты!—ответил он.

НЭП имеет одно смягчающее ее вину обстоятельство: это—конкуренция.

Последняя до известной степени умеряет и исправляет причиняемое ею зло.

В совершенно ином положении находится дело так называемых „коммунальных услуг": трамвайного движения, водоснабжения, канализации, общественных бань, аптек и т. п.

Все эти отрасли общественных служб находятся в руках органов *коммунального хозяйства* (по русски—городского самоуправления) и поставлены вне конкуренции, даже если некоторые предприятия сдаются в аренду: органы коммунального хозяйства диктуют арендаторам свои условия.

Могут ли заправилы *коммунальной политики* претендовать на право вольного рынка: брать с потребителя возможно больше?

Правда, сам Ленин велел: учитесь торговать!

Но торговать, не значит произвольно взвинчивать цены.

Взвинчивать цены можно только тогда, когда господствуешь над рынком. В таком именно положении находятся органы коммунального хозяйства.

Они *стремятся* уже не к самоокупаемости коммунальных услуг, а к их *доходности*.

Одно то, что реальная оплата этих услуг приближается к довоенным ценам и даже порой превосходит их, показывает, что дело идет о барышах. Никогда при старом строе устойчивые хозяйственные предприятия не обходились без наживы.

Мы не закрываем глаз на все трудности ведения хозяйственных предприятий при нынешней финансовой разрухе, когда вырученная копейка, стоющая сегодня 20,000 рублей, через день обречена на падение на неопределенную величину. Но все же нужно, чтобы органы коммунального управления наметили здоровую хозяйственную политику и старались проводить ее, а не стремились только: брать побольше, чтобы не взять мало.

От правильной постановки дела коммунальных услуг зависят самые существенные нужды рядового труженика: сбережение, ныне уже ценного времени, сохранение здоровья и даже самой жизни.

Квалифицированные чиновники и короли вольного рынка не нуждаются ни в трамвае, ни в банях, ни в дешевых лекарствах. К их услугам автомобили и извозчики; они располагают домашними ваннами; плата за лекарства их не разорит.

Урезывать себя и свою семью в пользовании трамваем, водой, баней, обходиться без лекарств приходится рядовому труженику, с пренебрежением называемому иными бюрократами: *обывателем*.

Первое условие здоровой коммунальной политики, это—*финансовое отделение общественных служб от административного бюджета*. В это решето мы достаточно льем других, прямых и косвенных, налогов.

Если самоокупаемость — основное правило для коммунальных услуг, то смешение административной кассы с хозяйственной никакой пользы не принесет последней. Лучше подальше держать администрацию от соблазна.

Но для этого нужно устранить муниципальные административные органы от

руководства делом коммунальных услуг. Нужно это дело передать в руки самих потребителей: на кооперативных началах.

В каких формах?

У нас достаточно инструкторов по кооперации, чтобы разработать подробно организационные вопросы. Нужно только проникнуться сознанием: призвание кооперации вытеснить из жизни не только капитализм, но и бюрократизм, все более и более развивая хозяйственную самодеятельность *граждан*, чтобы воспитать из них *товарищей*, в лучшем смысле слова.

Только после того, как коммунальные общественные службы станут дешевыми, можно будет перейти к их общедоступности и неограниченности: каждому по своим потребностям.

Оне примут тогда формы кооперативного взаимного страхования не только на случай бедствия, но и на предметы текущих потребностей.

Пора вспомнить о коммунистических идеалах, витавших над Октябрьской революцией.

Административная организация общественных служб—не путь к ним.

МАТЕРИАЛЫ к изучению жизни и творчества П. А. КРОПОТКИНА.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ УЧИТЕЛЯ.

Дмитров, *Моск. губ.*, 29.VI.19.

Дорогой мой Александр,

Извините, что запоздал ответом.

На обратном пути из Москвы, простудился. Кашель и общее недомоганье. Теперь лучше.

Спасибо за брошюрку.*) Мне тоже кажется, что прибавка ослабляет впечатление, тем более, что в ней говорится о пролитии крови врагов Коммуны, как об „удобрении для будущих *опытов*".

—Где вы нашли эти выдержки из Journal de la Liberté de la Presse? Интересно было бы вообще познакомить русских читателей с его писаниями.

. . . . . .

. . . . . .

Pecqueur был действительным основателем государственного *Коллективизма*. Но об нем в марксистской литературе, если не ошибаюсь—ни слова.

Тем более—о Vidal'e, более талантливом чем Pecqueur.

К сожалению главного сочинения Vidal'я нет ни в Университетской библиотеке, ни в Румянцевском Музее. *Может быть* есть в библиотеке Психологического Института?

Оба шлем вам и всем вашим самые дружеские приветы. Соня—поглощена огородничеством. И—идет успешно: уже пользуемся кое-чем.

Крепко жму руку, дорогой мой.

П. Кропоткин.

---

*) „Программа государственного социализма Гракха Бабефа". М., 1919, изд. „Почин" (выдержка из сочинений Герцена, изданная по указанию П. А. и переписанная им собственноручно для набора).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ о П. А. КРОПОТКИНЕ.

(Речь, произнесенная 13 февраля 1922 г. на общественном собрании, устроенном в память П. А. Кропоткина в школе 2-ой ступени в г. Дмитрове).

Друзья и молодые будущие хорошие товарищи (товарищи в лучшем смысле слова)!

В Москве образовался *Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина*. Хотя я тоже состою его членом, но нахожу, что *Комитет* очень неудачно выбрал себе название. Никто не может лучше увековечить память П. А., чем сделал это он сам своими трудами и жизнью. Нам нужно только изучать его творения и ближе знакомиться с его жизнью, чтобы воодушевляться его думами и его примером. Поэтому я счел своим долгом принять предложение устроителей настоящего вечера и поделиться с вами своими воспоминаниями о *П. А.*

Познакомился я с учением П. А. очень давно, в 1890-91 годах, в юношеском возрасте, когда находился в Швейцарии, в гор. Женеве, где учился медицине. Первым обстоятельным трудом П. А., в котором он излагал свои анархические убеждения, были „Речи бунтовщика". По прочтении этой книги я стал постоянным читателем еженедельной газеты „La Révolte" („Бунт"), которую издавал Жан Грав при ближайшем участии Элизе Реклю и в особенности П. А. В те времена в „La Révolte" печатались ряд статей *П. А.*, которые со временем составили новый том его сочинений—„Хлеб и Воля". Хотя я ни с одним анархистом не был знаком и находился в эмигрантской среде, в которой в те времена упрочивалось, под влиянием Плеханова, социал-демократическое направление, тем не менее мои анархистские убеждения установились тогда-же.

Первым, так сказать, „живым анархистом", с которым я познакомился и сдружился, был студент-медик П. И. Стоянов, болгарин родом, приехавший в Женеву из

Франции, откуда его изгнали за пропаганду.

Обаяние просто изложенной, но прочувствованной проповеди П. А. было так велико, что меня и моего друга Стоянова невольно влекло лично повидаться с ним и мы не преминули осуществить это желание при первой же возможности. Летом 1893 года нам удалось собраться со средствами и поехать в Лондон, где жил П. А. Должен заметить, что нас влекло к нему не одно простое любопытство: годом раньше нами было приобретено немного русского и армянского шрифта и мы хотели посоветоваться с П. А. о предпринятых нами анархических изданиях. (Продолжать это дело пришлось мне одному, так как тем временем Стоянова изгнали и из Швейцарии за выступление на одном собрании).

Виделись мы с *П. А.* в Лондоне всего раз. О первом моем свидании с *П. А.* у меня сохранились очень смутные воспоминания. Он жил в предместьи Лондона. Мы поехали к нему под вечер, когда он отдыхал и принимал посетителей. Вспоминается небольшой двухэтажный домик в одну квартиру, кабинет *П. А.* во втором этаже, весь заставленный книгами, и пишущая машинка на столе. *П. А.* оказал нам радушный прием, но беседа как-то не клеилась. Он повел разговор о пишущих машинках, которые были тогда новинкой, расхваливал их преимущества и мечтал приобрести себе одну. Машинка, находившаяся у него, была ему кем-то одолжена, а купить у *П. А.* не было средств; тогда они стоили около 500 франков (200 рублей).

Несмотря на то, что *П. А.* был перегружен работой, он охотно пошел навстречу нашей просьбе помочь в изданиях и сам взялся перевести на русский язык „Речи бунтовщика", которые в первоначальном переводе самого автора носили название „Распадение современного строя".

По возвращении в Женеву я стал получать от П. А. письма с переводами отдельных глав книги. Но так как П. А. был завален работой и перевод затягивался, то, после первых глав, он передал это дело своему другу Черкезову, а сам держал только корректуру.

Набирал я у себя в мансарде (комнатушке на чердаке) и носил готовый набор в частную швейцарскую типографию для печатания. Мне удалось всего издать один выпуск (около $^1/_4$) „Речей бунтовщика", брошюру Бакунина „Парижская Коммуна и понятие о государственности" и несколько других на армянском языке. На большее не хватило средств и времени.

Окончив в 1896 году медицину, мне пришлось с семьей уехать для заработка в Болгарию, а затем в северную Персию, где я пробыл вплоть до мировой войны.

Уезжая из Женевы я отдал всю свою переписку с П. А., его переводы, портрет Бакунина с его собственноручной надписью*), и его же рукописи, (переданные мне Элизе Реклю в один из своих приездов в Женеву), известному биографу Бакунина—Максу Неттлау.

С 1896 года по 1917 год я был совершенно оторван от деятельного анархистского движения.

Вспыхнула мировая война. В „Русских Ведомостях" стали появляться „Письма о текущих событиях". Я находился в в это время на Кавказском фронте, где, под флагом Красного Креста, подбирал на передовых позициях уцелевших сирот вырезанных армян и вывозил их из района военных действий.

Наконец наступила Февральская революция. Телеграммы в газетах разнесли весть, что *П. А.* едет в Россию, а затем, что он уже приехал в Петроград.

Открывались широкие возможности общественной деятельности. Я стремлюсь к *П. А.*, приезжаю в Москву, направляясь в Петроград, и здесь узнаю, что *П. А.* сам переселился в Москву.

Когда в первый раз после долгих лет я явился к нему, он принял меня весьма радушно, дружески обнял, угадав очевидно по выражению во мне не чужого человека, и тут же добродушно заметил: „Извините, я вас не узнаю".

Мудрено было и узнать. Целых четверть века отделяли нас от нашей единственной встречи. Несмотря на столь долгий промежуток времени, обаяние его личности в момент общественного под'ема все же привлекло меня к нему с далекого юга.

Чем об'яснить это обаяние, которое одинаково ощущали все, читавшие его внимательно и, в особенности, имевшие личное общение с ним?

Знаменитый венский профессор Нотнагель сказал: „Хороший врач должен быть хорошим человеком". Эти слова высекли золотыми буквами, после его смерти, на его надгробном камне.

Кропоткин был врачом наших общественных недугов, и хорошим врачом,—в этом вся разгадка того обаяния, которое он производил на всех, даже на своих идейных противников.

Конечно, не один Кропоткин ставил

*) Портрет был найден в одной мебелированной комнате, в которой повидимому жил Бакунин, и надпись, на французском языке, помеченная 1868 годом, гласила: „Госпоже Монар, в память ее доброго гостеприимства".

себе задачи общественного врачевания. Кумир нашей правящей партии, Карл Маркс, тоже намечал пути, писал программы для водворения социализма. . . .

Но все учение Маркса основывалось на холодных научных расчетах (правильных или ложных, суть не в этом), нравственное начало в нем было подчинено экономическому фактору, а не преобладало над последним, как деятельная сила более раннего, биологического происхождения. Это отразилось и на вытекавшей из этого учения тактике.

Кропоткин тоже выдающийся ученый. Когда он сидел в царских застенках, Императорское Географическое Общество издавало его труды; когда его осудили во Франции к тюремному заключению, об его освобождении хлопотал весь западно-европейский научный и литературный мир; долгие годы он заведывал отделом естествознания в лучшем английском научном журнале; его „Взаимная помощь" по своему научному значению стоит наравне с сочинениями Дарвина; „Поля, фабрики и мастерские" открывают новый путь для изучения политической экономии, а его исторические исследования о Великой Французской Революции считаются лучшими в этой области. И все же, несмотря на такие научные заслуги, *П. А.* не подавлял личным авторитетом своих, даже самых скромных собеседников. Он знал пределы человеческих знаний и когда ему ставили один из „проклятых", неразрешенных общественных вопросов, он не рубил сплеча, подобно политическим „вождям", а скромно и запросто ставил себя на одну ногу со своим собеседником и говорил: „Ищите, я сам ищу". Я привожу его подлинные слова. Творчество масс, „малых мира сего", не было простой красивой фразой для него.

Другим типом общественного врачевателя является Толстой. Но в отличие от Кропоткина, Толстой, своим отрицанием науки, отшатнул от себя людей с научными запросами, хотя бы даже самыми невзыскательными.

Кропоткин об'единяет в себе мощь научной мысли ученого и высоких нравственных начал, признававшихся им не в теории только, но проводившихся неуклонно в жизнь. В этом главный источник его обаяния.

Иной раз мелочи ярче освещают личность, чем пространные, подробные описания. Как-то *П. А.* попросили похлопотать о получении разрешения на возобновление одного закрытого анархического органа.

—Как же я буду хлопотать о вас одних? А те, *другие,* разве не хотят тоже высказываться?

Он намекал на правые партии. Так как безнадежно было хлопотать об общей свободе печати, то *П. А.* отказал в просьбе.

В один из приездов *П. А.* из Дмитрова в Москву, не зная причины его приезда, по обыкновению я зашел к нему на квартиру в Леонтьевском переулке. *П. А.* был чем-то сильно взволнован и возбужден. Увидев меня, он увел меня во вторую комнату, чтобы нам не помешали говорить, и без предварительных об'яснений стал спрашивать: *не осуждаю ли я его?* Постепенно выяснилось, что он виделся с Лениным, что причиной этой встречи послужили расстрелы заложников. В список заложников попал давнишний его друг, бывший эмигрант—6-ым или 7-ым на очереди. До него были уже расстреляны несколько великих князей.

Я заметил *П. А.,* что не мне судить о его действиях. Но он прервал меня, прося по-просту, по-товарищески высказаться. Тогда я ему ответил, что для спасения жизни осужденных на смерть, я бы одобрил обращение даже к царю.

—Так, значит, не осуждаете,—сказал он с искренней радостью и горячо пожал мне руку.

Меня поразила эта юношеская впечатлительность к мнению одного из своих последователей или, вернее, к общественному мнению,—к мнению каждого из нас, как бы безвестны и скромны мы ни были.

Из дальнейшей беседы я узнал, что *П. А.* сделал больше, чем хлопотал о своем друге. Он старался повлиять, чтобы отменили вообще заложничество и расстрелы. Он напомнил Ленину историю Комитета Общественного Спасения во время Великой Французской Революции, который погубил стольких выдающихся деятелей революции; и что же в конце-концов оказалось? В Комитете заседал судья старого режима.

—„Я *их* немного припугнул",—прибавил он с улыбкой.

Вскоре после этого, быть может в связи со свиданием *П. А.* с Лениным, было отменено право за местными отделами Ч. К.-и производить самостоятельные расстрелы.

Заметьте: *П. А.* хлопочет о старом товарище, ему наверное с первого же слова обещали бы пощадить его жизнь, но он ставит вопрос шире, он старается спасти всех, а не только одного близкого человека.

В „Хлебе и Воле" у *П. А.* есть глава

—„Довольство для всех". Но выше богатства для всех, он ставил *справедливость для всех*.

Кто из читавших „Записки революционера" не помнит с какой справедливостью он отзывается о людях из самых разнообразных слоев общества, даже о коронованных. Трогательно читать под пером убежденного анархиста и ветерана революционного движения сочувственные отзывы об императрице Марии Александровне, как о человеке.

С таким же безпристрастием он отзывался о современных политических деятелях,—о людях, с которыми идейно он не имел ничего общего. Он считал—мне приходилось слышать это от него самого—и Корнилова, и Керенского, а также Ленина с Троцким, честными людьми. О последних он отзывался так, когда столица еще находилась в Петрограде и все общество шушукало об их подкупленности германским золотом.

Заметьте при этом, что Кропоткин не был наивным и доверчивым. Он был убежден, что в поражении России в последней войне с Германией подкуп играл видную роль. В этом его убеждало знание истории. Он слишком хорошо знал безнравственную сущность всякого государства. Никогда большие победы не одерживались без подкупа, говорил он, и приводил пример из русско-турецкой войны 1877-78 г.г., когда главнокомандующему, Николаю Николаевичу Старшему, предложили купить Плевну, а он, „дурак", не согласился, погубив вследствие этого десятки тысяч жизней, и в конце-концов, кажется, (если память мне не изменяет), по словам *П. А.*, ему все же пришлось купить эту победу.

Может быть кое-кто из присутствующих здесь обратили внимание на одно, с первого взгляда парадоксальное явление: всеми признанный революционер, *П. А.* охотно принимает участие во Всероссийском Общественном Совещании, тогда как его голос ни разу не раздался на Всероссийских С'ездах Советов.

Он нашел возможным выступить рядом со своими политическими противниками, а не на С'ездах более близкой к нему, —по крайней мере в отдаленном идеале,— ныне правящей партии. Опять причину этого явления нужно искать в глубоком чувстве справедливости: он не мог говорить там, где были зажаты рты его противников, хотя бы последние находились в самом крайнем правом идейном лагере.

Относясь снисходительно и терпимо к своим противникам, тем не менее он болел душой за их ошибки. Когда в Москве в Октябре 1917 г. раздались первые орудийные выстрелы партийной войны, *П. А.* воскликнул: „Это хоронят русскую революцию!" Заметьте, он это сказал не по адресу ныне благополучно правящей партии, так как тогда не был еще известен исход борьбы за власть; он предсказывал лишь неизбежно пагубные последствия этой борьбы.

Но окончательно ли похоронена революция?

Если подрастающие молодые поколения будут вдохновляться нравственными началами, распространявшимися *П. А.* от частной жизни на политику, революция воскреснет и никакие мрачные новейшие проявления отживающей государственности не смогут похоронить ее. Ибо не может быть двух мерил нравственности: одно для частной жизни, другое—для политической. Основное правило всякой нравственности —не делать другому того, чего не хочешь, чтобы другие тебе делали—должно быть приложено и к политике. *Не властвуй над другими, если тебе не нравится, чтобы другие властвовали над тобою*—вот вся нравственная сущность личной жизни и политического учения Кропоткина.

А. А.

ФИНАНСОВЫЙ ВОПРОС В СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Кто на деле, а не в мечтах только стремится к социальной революции,—кто знает, что не всегда *„так было"* и не вечно *„так будет"*,—кто верит, что лучшее будущее создастся личными усилиями каждого из нас, а не сомнительной мудростью и милостивой волей власть предержащих,—словом, всякий действительный революционер не может не обратить должное внимание на финансовый вопрос. Он неизбежно натолкнется на него именно в момент перехода от слов к делу.

Помнится, как за 4 или 5 дней до Октябрьского переворота, *подготовка которого заранее была известна*, на собрании деятельных анархистов Москвы, в помещении Московского Союза Анархистских Групп в Мароновском переулке, обсуждался вопрос об отношении в назревавшим событиям. Анархисты решили принять участие в революции с целью придать ей глубокий общественный, а именно, *экономический* характер. Помнится, как энтузиаст из энтузиастов, т. К. Ковалевич, три года спустя столь трагически погибший, развивал проект, как анархисты организуют товарообмен с деревней, как они снарядят поезда с мануфактурой, с железными изделиями—косами, вилами, лопатами и т. д., для обмена на

хлеб. Но, смутно чувствуя, что этим задача не будет исчерпана, Ковалевич сам же задал себе вопрос: —„Ну, а как быть с деньгами?" и, не найдя на него готовый ответ, воскликнул, энергично хлопнув ладонью по колену: „Деньги... деньги придется оставить месяца на два, на три!"

Так наивно обошел этот основной вопрос человек на деле доказавший готовность умереть за свои идеи.

Финансовый вопрос—основной вопрос не только для преуспеяния капитализма, но и для успеха социальной революции.

„Одной из самых трудных и неотложных задач для воюющих государств",—говорил проф. А. Мануилов на своих лекциях еще во время мировой войны,—„будет, по окончании войны, исправление денежного обращения, расстроенного огромными выпусками бумажных денежных знаков. Решение же этой задачи связано... в конечном итоге с жизнью всего народного хозяйства".

В России это расстройство денежного обращения, благодаря государственным формам, принятым революцией, проявилось в особенно тяжелой степени. В этом главная причина почему советская власть с такой готовностью согласилась на участие в Генуэзской конференции. Внешний заем, которого она прежде всего добивалась, очевидно, должен был служить улучшению своего денежного обращения, а не для новых, заранее обреченных на неуспех государственных хозяйственных затей.

Если откинуть пошлую трафаретную дипломатическую игру представителей „больших и малых хищников" (выражаясь по русски), собравшихся недавно в Генуе,—игру, едва оживленную участием в ней „восточных варваров" (выражаясь по цивилизованному), то в конечном счете окажется, что Генуэзская конференция была созвана именно для решения той самой „трудной и неотложной задачи", о которой уже несколько лет тому назад говорил проф. Мануилов.

Так называемое „разрешение русского вопроса", *действительное признание Советской России*,—не на „клочке бумаги" только, называемое признанием de jure,—состоялось гораздо раньше, со времени перехода советской власти к *новой экономической политике*. Правда, этот переход означал собою другое признание,—признание краха *старой экономической политики*,—но об этом лучше помолчать, чтобы не причинить хлопот тем, кто прочтет эти строки *по обязанности*, раньше всех наших добровольных читателей,—тем более, что „старую" никто уже не жалеет—ни ея бывшие сторонники, ни еще менее противники.

Но прежде чем хоронить „старую", справедливость требует воздать ей должное: она была никогда и нигде невиданной по своему размаху попыткой заменить в обширной стране денежное обращение государственным управлением народным хозяйством. Неудача этого великого опыта должна послужить отрезвляющим наглядным уроком не для одних только государственных социалистов, но и для многих анархистов от их хозяйственных иллюзий. Причина этой неудачи коренилась не в блокаде, не в гражданской войне, не в территориальном расчленении России; именно, когда блокада была снята, внутренние междоусобия прекращены, угольные и нефтяные районы воссоединены, обнаружилось даже для самых рьяных государственных коммунистов невозможность установить не только внешний, но и внутренний товарообмен без *мерила ценности*, без устойчивых денег.

Если система государственного „общего котла" потерпела крушение, то что можно ожидать на деле от той идеалистической системы товарообмена без денег, без счета, меры и весов, которую Кропоткин сам назвал *своей утопией* *) и которую многие анархисты восприняли в буквальном смысле слова?

Она имеет одно несомненное преимущество перед государственным коммунизмом: это то, что никто ее не станет навязывать народу ни чрезвычайными, ни обычными приемами государственного воздействия. Но это же самое обстоятельство отбрасывает теорию в область умозрительных возможностей. Для анархистов, не ограничивающихся одними мечтаниями, остается стать на практический путь, намеченный гораздо раньше проповеди Бакунина и Кропоткина, здравым смыслом французского крестьянина ставшего рабочим—П.-Ж. Прудона. Этот путь, названный им „мютюэлизмом" (от слова mutuel, взаимный), по существу является кооперативной теорией. Последняя же, как не раз было установлено ея идеологами, вполне совпадает с теорией современного анархизма.

Заслуга Прудона заключается в том, что он задолго до современной кооперации оценил значение кооперативного (взаимного) кредита в деле обновления общественного строя и установил основное условие этого проявления взаимного доверия—его *безпроцентность; даровой кредит* (за исключением небольших организационных расходов) —такова должна быть финансовая основа общественного строя, обновленного социальной революцией. Смысл и значение даро-

*) В предисловии к книге Пато и Пуже—„Как мы совершили социальную революцию".

вого кредита станет понятнее, если обратить внимание на историческое происхождение процентов. В те отдаленные первобытные времена, когда главное достояние пастушеских народов составлял скот, когда домашние животные являлись своего рода деньгами и служили средством для товарообмена, кредит оказывался в виде скота и возвращался вместе с *естественным приплодом*. Но могут-ли современные деньги, современный неодушевленный золотой капитал претендовать на приплод, или проценты, не став тем самым средством для эксплоатации труда? Именно безпроцентностью должна отличаться настоящая кредитная кооперация от капиталистического кредита. Подобно тому как потребительская кооперация торгует не для наживы, а для доставления своим членам предметов потребления по себестоимости, так и кредитная кооперация должна оказывать взаимное доверие без извлечения особых выгод из кредита, нужного для трудового производства или товарообмена.

Но никакая кооперация в современном значении слова невозможна без устойчивой денежной системы. К сожалению в глазах многих анархистов с понятием о деньгах неразрывно связывается представление об эксплоатации человеческого труда. Они видят в этом испытанном средстве измерять ценности для возможно более правильного товарообмена, одну из главных причин всех общественных зол. Так в отсталых странах, при введении усовершенствованных машин, ремесленники усматривают причину своего разорения в самих машинах и нередко пытаются уничтожить те самые орудия высокой производительности, которые в их руках могли бы стать источником их собственного благосостояния. Пора нам, анархистам, отказаться от подобных упрощенных воззрений на денежное обращение.

Чеканное золото такой же товар, пригодный для товарообмена, как и всякий иной продукт человеческого труда, а потому вся финансовая система, основанная на металлических деньгах, заслуживает полного внимания революционеров для ее использования в деле коренного хозяйственного обновления общества.

То обстоятельство, что государственная власть присвоила монетную регалию и эмиссионное право, превратив финансы в чудовищное орудие для эксплоатации народных масс, должно лишь еще более нас побудить вырвать из ея рук это мощное средство, незаменимое в жизни народного хозяйства и после социальной революции.

Уясним более определенно, что следует понимать под финансами.

Официальные ученые обыкновенно называют этим словом „науку о государственных доходах и их употреблении“ (Леруа Болье) или „исследование способов наилучшего удовлетворения материальных потребностей государства“ (Янжул). Но такое определение, особенно после опытов Октябрьской революции, едва ли правильно. Леруа Болье сам признает, что определить „каковы границы основных задач государства вещь затруднительная: ибо нет ни одной из этих задач, которая в некоторых странах и в известное время не была исполняема частными лицами одновременно с государством“. Таким образам границы между государственными и частными доходами и потребностями расплываются. Гораздо правильнее было бы ограничить об'ем понятия *финансы* и разуметь под этим словом существующую в данной стране денежную систему, которою одинаково пользуются как государственные органы, так и частные лица. То, что до сих пор называют „наукой о финансах“ вернее было бы назвать „наукой о налогах“. Звучит менее красиво, но зато точно.

Чтобы понять истинную причину царящей ныне финансовой разрухи, достаточно бросить беглый взгляд на историю денежного дела. Мировая война и русская революция лишь обострили то, что существовало хронически. Когда читаешь у солидных ученых профессоров, что правильная чеканка монеты, безусловно важная для экономических интересов страны „может быть достигнута только сосредоточением этого дела в руках государства“ (Янжул), или, что „деньги, в их современном виде, являются продуктом... регулирующей и упорядочивающей деятельности государственной власти“ (Мануилов), а затем, в виде иллюстрации, вслед за этими отзывами находишь в их же сочинениях исторический обзор сплошных злоупотреблений со стороны государственной власти монетной регалией и эмиссионным правом вплоть до современной эпохи, то невольно задаешь себе вопрос: не издевались-ли ученые профессора над своими слушателями и читателями?

Было время, когда чеканка денег в разных странах являлась свободным ремеслом. В старой Руси чеканьщики назывались *серебренниками* и *ливцами*. По свидетельству проф. Мануилова „они чеканили деньги, но были обязаны подчиняться известным правилам и за ними был установлен известный надзор со стороны властей“. А так как в России надзор со стороны государства искони означал налоги, поборы и наталкивание на злоупотребления, то на деле оказалось, что „надзор не был, однако,

очень бдительным, и поэтому серебренники и ливцы стали отступать от нормы, установленной законом, и чеканили рубль не из 216 денег, а из большего числа их, уменьшая вес отдельной деньги. В Новгороде скоро стали чеканить вместо 216 денег на рубль 230, 235 и даже 240. Это обстоятельство вызвало среди населения сильное недовольство, приведшее в 1447 году к бунту", по поводу которого чеканка монеты была об'явлена государственной регалией.

Таким образом, понижение ценности рубля серебренниками и ливцами от 6 до 10 % (допустив даже, что они это делали из корысти, а не вынуждаемые к тому государственными налогами и чиновничьими вымогательствами) привело к бунту и государство взяло в свои руки дело „упорядочения" чеканки денег.

Но, именно, после этого стали проявляться в полном об'еме все отрицательные стороны государственной монетной регалии, против которых уже были бессильны народные бунты.

„Когда установилась денежная регалия",—говорит проф. Мануилов,—„то возникло явление, которое при подобных условиях и в соответствующую эпоху наблюдалось во всех государствах: правительство стало стремиться не только упорядочить денежное обращение, но и извлекать из него финансовые выгоды". Но профессор забыл только указать в каком государстве и когда правительство перестало стремиться извлекать из монетной регалии „финансовые выгоды" (выражаясь попросту, обирать народ)? А самое „упорядочение" денежного обращения, как выясняется из дальнейшего изложения, сводится к техническому усовершенствованию чеканки монеты, (которое, без сомнения, более успешно было бы достигнуто самими серебренниками и ливцами), но никогда не проявлялось в безкорыстной *финансовой честности*.

Так при царе Михаиле Федоровиче вес серебрянного рубля был понижен с 16 до 12 золотников, т. е. на 25 %. При Алексее Михайловиче был введен рубль в $6^3/_4$ золотника серебра, т. е. понижение было доведено до 80 %. „Вот какое громадное изменение произошло в весе рубля, начиная с момента возникновения его в древней Руси, когда он равнялся 48 золотникам", восклицает проф. Мануилов, умалчивая, что в древней Руси полновесный рубль чеканился вольными ремесленниками.

Но уменьшения в весе было мало для правительства. В то-же царствование оно решилось на „выпуск низкопробной монеты. Взамен серебрянных копеек (постоянной, общеупотребительной монеты с царствования Иоанна IV), были выпущены медные, по нарицательной цене серебра. Последовало несколько выпусков таких медных копеек, причем первоначально ничего чрезвычайного не произошло: народ, еще не разобравшись в чем дело, доверчиво принимал новые деньги наравне со старыми" (Янжул). Прямым последствием этих выпусков было необыкновенное развитие подделки монеты несмотря на страшные наказания: „более 7.000 человек за этот период были казнены смертью, почти у 14.000 лиц были отрублены ноги или руки, масса была сослана в Сибирь" (Янжул). Так государственная власть расправлялась с теми, кто покушался на ея монополию на выпуск фальшивой монеты. Ничего не изменилось по существу с тех пор.

После неудачи „заставить население забыть о разнице между медью и серебром", Петр I, наученный опытом своего отца, стал более умеренно извлекать „пользу для казны понижением качества сплава для чеканки, установив 70-ую пробу вместо фактически существовавшей раньше 88-92-ой".

Преемники Петра также стремились „извлечь из монетной регалии все, что можно было из нея извлечь путем получения максимального дохода от чеканки монеты", повествует дальше проф. Мануилов. Но наибольшей разнузданности достигло денежное дело в руках государственной власти со времени введения бумажных денежных знаков при Екатерине II.

С тех пор государственная власть, *с поразительной преемственностью в приемах*, злоупотребляла эмиссионным правом вплоть до наших дней.

То же самое происходило во всех государствах. Во Франции один король—Филипп IV—получил даже название „фальшивого монетчика".

Какой вывод должны мы сделать из истории финансового дела?

Вывод напрашивается сам собою. Ясно, что даже социалистические доктрины не в состоянии удержать государственную власть от злоупотреблений своих предшественниц. *Нужно из'ять дело чеканки монеты и эмиссонное право из рук государственной власти.*

Утопия-ли это?

Не поучительно-ли, что это отделение денежного обращения от государственной власти **почти** осуществлено в Соединенных Штатах Северной Америки—единственной стране, участвовавшей в мировой войне и сохранившей устойчивые финансы?

В европейских государствах „правом

выпуска банковых билетов пользуется официально или фактически одно кредитное учреждение (в некоторых странах государственное, в других частное), а в тех странах (например, Англии и Германии), где право выпуска предоставлено не одному, а нескольким банкам, множественность эмиссионных банков существует более на бумаге, чем на деле: один из банков занимает настолько господствующее положение, что остальные являются по отношению к нему незначительными величинами.

„В Америке дело поставлено совершенно иначе. Там, напротив, существует система широкой децентрализации. Кроме того, банковое дело в Соединенных Штатах поставлено исключительно на почве частной инициативы... Правом выпуска (банковых билетов) пользуются 7.300 банков, которые носят название „национальных". Все эти банки исключительно частные, основанные на акционерном капитале. Закон, регулируя размеры этого капитала, устанавливает минимум его в зависимости от числа жителей тех городов, в которых находится банк. В городах с числом жителей до 3000, капитал национального банка должен быть не менее 25.000 долл. (около 50.000 тыс. руб.), в городах до 6000 жителей не менее 50.000 тыс. долл. и т. д.. Насколько национальные банки невелики, видно из того, что 30 % общего числа их обладает капиталом менее 50 тыс. долл... Каждый национальный банк имеет право выпускать банковые билеты, но максимальная сумма билетного обращения банка ограничена суммой его акционерного капитала" (А. Мануилов, „Учение о деньгах", стр. 157).

Можно подумать, что американская буржуазия усвоила идею Прудона, приспособив ее к своим интересам и заменив название „народный банк", предложенное Прудоном, словом „национальный".

В применении к анархистским финансовым требованиям американская система означала бы:

1) как вольную чеканку монеты, так и эмиссионное право осуществляют более или менее многочленные первичные кооперативы или местные союзы кооперативов;

2) денежную систему, нормы и гарантии денежного обращения устанавливают кооперативные с'езды и осуществляются по их директивам Советом Кооперативных С'ездов;

3) моральный вес С'ездов и их Советов будет вполне достаточен, чтобы установить в стране однообразное денежное обращение и обуздать, если сразу не вполне вытеснить, частно-капиталистические банковые предприятия;

4) кооперативные „народные банки" могут обезпечивать свою эмиссию (аналогично тому, как это делается в Соединенных Штатах) не только звонкой металлической наличностью, но и разными имущественными ценными документами; и,

5) техническое осуществление вольной чеканки монеты и экспедиции *народных* (бывших *государственных*) бумаг переходит в фактическое управление финансового отдела Совета Кооперативных С'ездов.

Таков единственный *самостоятельный* путь для серьезного финансового оздоровления революционной России.

Нужно поспешить вступить на него пока разные междугосударственные конференции не навязали нам под видом внешних займов или иным образом волю „консорциумов" капиталистических банков.

Революции совершаются не только на баррикадах. Здоровые финансы не менее необходимы для успеха социальной революции, чем вооруженная борьба.

Новейшая эволюция права собственности.

В то время, как революционная Россия пыталась одним взмахом уничтожить право собственности, или вернее—сосредоточить это право в руках государства, в западной Европе,—во время мировой войны, это право претерпело существенное изменение, которое член Национального С'езда в Париже Николаев охарактеризовал сказав, что на западе *собственность из неограниченной монархии стала конституционной.* Еще во время войны были сделаны ограничения в так называемых «военных прибылях». Теперь эти ограничения вошли в законодательства, как *новая уголовная норма о спекуляции.* Эта норма прямо разбивает неограниченность права собственности; купец, если он даже ничем не нарушает какие-нибудь другие законы, не имеет права все-таки наживать на свой капитал больше определенных процентов. Государство вмешивается в его сделку с покупщиком, хотя бы последний был готов заплатить какую угодно цену.

Каким образом могло случиться, что в странах «диктатуры буржуазии», где власть *фактически* находится на услужении капитала, государство само ограничивает право наживы своих же хозяев?

В России мы так свыклись с гнетом векового абсолютизма, что и западно-европейскую государственность измеряем на русский аршин; мы ее тоже представляем себе всемогущим жерновом, способным «растереть в порошок» всех ему сопротивляющихся. К счастью для западно-европейских трудящихся масс, они, целым рядом революций и упорной повседневной борьбой в виде демонстраций, агитации, стачек, саботажа и т. д., выбили у государства-чудища многие из его зубов.

В буржуазных странах власть сама торопится сдавать свои позиции *сверху*, не дожидаясь воздействия *снизу*, подобно Александру II, освободившему крестьян из опасения революции.

Но характернее всего для запада, это то, что стремление обуздывать правящие и владеющие классы проникает в жизнь раньше, чем в законы.

Так во время последней большой забастовки английских углекопов *шахтовладельцы оспаривали не право рабочих на прибыли угольной промышленности:* спор шел о том, какую долю этих прибылей уделить капиталу, какую — труду. А между тем, по букве закона, шахтовладельцы являются неограниченными господами своей собственности и ея доходности.

По причудливой игре истории, в России частная собственность возродилась при новой экономической политике именно в виде *неограниченной монархии.* Учесть и ограничить барыши наших торговцев, арендаторов и промышленников нет никакой возможности, так как мы утеряли всякое мерило цен.

С другой стороны национализированная, т. е. государственная собственность проявляет не в меньшей мере свои неограниченные свойства. На государственных заводах и фабриках, переведенных на начала единоличного управления, считаются не с волей данного состава рабочих и служащих, а с «планами» разных бюрократических органов, оторванных от трудящихся масс, как, например, пресловутые «тресты», воскресившие многие отрицательные стороны деятельности печальной памяти «главков» и «центров».

Когда с «оздоровлением» финансов собственность в России, как частная, так и государственная, тоже станет конституционной, то нет сомнения, что борьба между трудом и капиталом, хотя бы и конституционным, снова возродится. Эта борьба будет длиться до тех пор, пока труд и капитал, минуя власть, не сольются в одних руках. т. е. собственность станет, после неограниченно-монархической и конституционной, *анархической.*

Ныне даже близорукие либералы начинают видеть то, что Прудон разглядел еще в средине прошлого века: в Берлине проф. П. И. Новгородцев прочел лекцию о неизбежности *„понижения государства и права“*[1]), как грядущей ступени всемирной истории.

Время не остановилось, *история грядет* и несет с собой освобождение трудовой собственности от власти капиталистов и государства.

Революционное движение и производительно-трудовая кооперация.

Производительно-трудовая кооперация в том виде, как она понимается теперь, т. е. „как социальное движение трудящихся, ставящее своей конечной задачей отстаивать замену капиталиста-предпринимателя в каждой фабрике или мастерской, скупщика в селе — товариществом трудящихся, самостоятельно организующих свой труд и сбыт изделий своего труда и удерживающих на общую пользу приносимую трудом прибыль“,[2]) в таком виде производительно-трудовая кооперация получила начало своего развития и идейное обоснование во Франции и тесно связана с революционным движением.

Первые попытки организации производительных т-в рабочих во Франции относятся к эпохе Великой Французской Революции. Но они встречали непреодолимые препятствия во время Консульства, Империи и Реставрации, когда во всякой организации правительство усматривало мысль о заговоре или подготовление революции, и

---

[1]) Проф. Новгородцев, очевидно, под *правом* понимает *государственные законы.*

[2]) „Всем артелям — членам Артель-Банка“ (циркуляр № 38) см. „Вестник Артельного Труда“ №1-2 за 1922 г., стр. 13.

с изданием Уложения о наказаниях 1810 г. строго преследовало всякое т-во, насчитывающее более двадцати человек и до второй революции (1830 г.) заставляло их функционировать втихомолку[1]).

Лишь с ослаблением этого режима в 1831 году в Париже открыто возникает производительное т-во столяров, а через три года, в 1834 году—т-во золотых дел мастеров. Ювелиры так же, как и столяры, были воодушевлены идеями Филиппа Бюше.

Однако, несмотря на учреждение нескольких т-в, придирчивые законы Франции мешали им существовать и с 1834 по 1848 г., в течении 15 л. идея производительной кооперации замирает, чтобы с новой силой и яркостью вспыхнуть в 1848 году.

Французская революция 1848 года имела мировое влияние на развитие производительно-трудовой кооперации. И в это время на ряду с Филиппом Бюше выступают целый ряд теоретиков социализма и анархизма: Луи Блан, Пекер, Прудон—с пропагандой идей производительной кооперации и практическим воплощением их в жизнь. В результате Министерство Труда через своего докладчика Морона сообщает, что между 1848 и 1851 г. возникло от 165 до 200 товариществ. Идеи и деятельность французских социалистов имели вместе с тем сильное влияние на христианских социалистов Англии в лице Ледлоу, Ф. Д. Мориса, Кингсли, Нил, Гью и французского эмигранта Ле-Шевалье, которые вследствие опубликования потрясающего отчета Мэйхью „О лондонских рабочих и лондонской бедноте", вместе с другими лицами, образовали „Общество содействия рабочим ассоциациям". В результате деятельности этого об-ва возникли 12 первых христианско-социалистических товариществ, из коих три товарищества были образованы сапожниками, три портными, два—строительными рабочими, четыре: производителями роялей, типографами, кузнецами, булочниками. Товарищества Англии руководствовались теми же методами, принимая за образец французский тип"[2]). В несколько иной форме, но под влиянием тех же гуманитарно-социалистических идей 1848 г. впервые пришла в голову мысль организации рабочих и скромному рабочему-позолотчику из Берлина, по имени Биски, который создал первое общество для кредитования ремесленников. Эта форма организации, дополненная формой складочных и производительных тов-ств, под влиянием пропаганды Шульце-Делича и Ф. Лассаля получила затем широкое распространение по всей Германии. Мысль об организации производительных т-в перекатывается в Америку, где „уже в 1849 г. в Бостоне встречается производительное т-во портных" (П. Лавров). Таким образом, революционное движение 1848 г. имело громадное влияние на развитие производительно-трудовой кооперации и ее идеи получают вслед затем широкое распространение во всех странах Европы, а также и вне Европы—в Африке, в Азии и даже в Австралии.

Следующая эпоха революции во Франции, вылившаяся в форму Парижской Коммуны 1871 г., к сожалению для Франции, не могла оказать того влияния на развитие производительных т-в, которое имела ее предшественница—революция 1848 г. Это об'ясняется, повидимому, тем, что с одной стороны Парижская Коммуна была следствием не социально-экономических причин, а скорее негодованием патриотического чувства в результате неудачного исхода франко-прусской войны и сдачи Парижа немцам, а также тем, что эта революция фактически оказалась восстанием одного города; с другой же стороны при подавлении этого восстания правительством Тьера, —который, кстати сказать, был самым ожесточенным противником производительных т-в в бытность членом Национального Собрания в 1848 г.—была проявлена крайняя жестокость и в течени „Кровавой недели" истреблены без всякого остатка все сколько нибудь активные силы революционных рабочих.

Однако, влияние Парижской Коммуны на революционное движение во всех странах Европы, а также и Америки—было огромно. Но едва-ли для какой либо страны, годы прошедшие после Парижской Коммуны, имели столь важное значение, как для России. Лица, оставившие Россию в 1870 г. —писал П. Л. Лавров („Парижск. Коммуна 1871 г.", 2-ое изд., стр. 243),—имели перед собою страну, где оппозиционное движение как-бы замерло или значительно ослабело со времени ссылки Н. Г. Чернышевского и особенно после реакционного террора, вызванного Каракозовским делом. Но начиная с 70-х годов революционное движение в России вспыхнуло с новой невиданной силой и это несомненно явилось следствием Парижской Коммуны. Достаточно привести несколько слов из привета, посланного Парижу 18 марта 1878 г. русскими рабочими из Одессы, опубликованного в № 3-4 „Общины", чтобы убедиться в сказанном. В этом привете русские рабочие писали:

1) Д-р Эд. Дюфур—Производительные Т-ва в промышленности. Пер. с франц. под ред. проф. В. Ф. Тотомианца, К-во „Мысль", 1915 г., стр. 8.

2) Б. Уэбб „Кооперативное движение в Великобритании" 2-е изд. М. 1918 г.

„Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для достижения которой погибло в 1871 г. на баррикадах Парижа столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей. Мы трепетно ждем наступления той исторической минуты, когда мы сможем ринуться в бой—за права трудящихся против эксплоататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы... Вы правы были, когда в 1871 году вы говорили, что сражаетесь за все человечество" (цит. по П. Лаврову).

Таким образом, влияние Парижской Коммуны на революционное движение в России становится несомненным [1]). Оно явилось не только толчком социалистической мысли среди деятелей 70-х г.г., но и послужило непосредственным примером и школой для них.

Как известно, с весны 1874 г. началось стихийное „движение в народ" русской интеллигенции. В ближайшие годы, предшествующие этой эпохе, была проделана напряженная теоретическая работа по выработке и формулировке революционного миросозерцания и соответственных ему практических путей деятельности для осуществления социального переворота. В этой работе принадлежит бесспорно выдающаяся роль П. А. Кропоткину, который в момент Парижской Коммуны находился заграницей и вернувшись оттуда, где он усвоил идеи бакунистского течения Интернационала, весной 1872 года примкнул к кружку чайковцев и явился в нем представителем анархического боевого течения. Для кружка чайковцев, не имевшего резко очерченной программы, он составил „Записку", недавно изданную в сборнике „В память Кропоткина" и в „Былом" (№ 17) под заглавием „Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?" Одновременно им же, повидимому, была составлена и „Программа революционной пропаганды", которая и послужила практическим руководством для молодых людей, массами шедших в то время в народ.

„Среди божеств, которыми в XIX в. (в 70-ые годы в особенности. *И. А.*) поклонялась русская интеллигенция, — пишет Б. Фроммет,—видное место занимала артель.

„Славянофилы положили начало сочувственному отношению русской интеллигенции к общине и артели.

„Для А. И. Герцена со времени революции 1848 года и до конца его дней переустройство России мыслилось лишь на общинно-артельных началах.

„Н. Г. Чернышевский, доказавший, что мелкое производство гибнет в борьбе с крупным, полагал, что спасением для мелкого хозяина является артель, которая казалась ему светлым прообразом будущего, перенесенным в настоящее.

„Русская интеллигенция свято чтила артель. Отрицательное отношение к артели встречалось среди лучших людей лишь в виде исключения (так, например, со стороны Тургенева). Характерно, что большинство русских интеллигентов всегда имело в виду не существовавшие бытовые артели, а *идеальную артель*—примерно из романа „Что делать?" [1])

Под влиянием этих настроений общественной мысли в 70-х же годах в России начинается более углубленное изучение производительно-трудовой кооперации (артелей). Так 6 ноября 1871 г. утверждается Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных т-вах с С.-Петербургским его отделением, который сыграл выдающуюся роль в развитии русской кооперации вообще и производительной в частности. С этого же времени издаются книги: А. Михайлова—„Ассоциации", изд. 1873 г., Сборник материалов об артелях, изд. С.-П.Б. отдела Ком. о сельск. сс.-сбер. т-вах в 1873 г., Щербина—Южно-русс. артели, изд. 1876 г., А. А. Исаев—„Артели в России", „Промышленные Тов-ва во Франции и Германии" (первая изд. 1881 г., вторая—1879 г.) и обильное количество статей и корреспонденций в местной повременной печати того времени. Тверское Земство приступает к практическому осуществлению артельного дела через посредство организации артелей гвоздарного промысла.

С этого же времени ведет свое начало рабочая производительная кооперация в г. Москве, где 24 июля 1874 г. был утвержден устав Московской столярной артели и опубликованы некоторые сведения о Московском Обществе Кружевниц [2]). В 1872 году образовалась сапожная артель в г. Полтаве [3])

1) Об этом можно судить и по предисловию А. Михайлова к его книге „Ассоциации", изданной в 1873 г., где он говорит: „В книге изданной мною в прошлом году под заглавием „Пролетариат во Франции" я представил историю этих кровавых восстаний, среди которых французский рабочий стремился завоевать себе хоть долю человеческих прав, отнятых у него. В издаваемой мною в настоящее время книге я обращаюсь к истории более мирной стороны рабочего движения,—к устройству рабочих Ассоциаций".

1) См. Б. Р. Фромет.—Артель и русская интеллигенция, ст. в Артельном Деле, январь-февраль 1922 г. стр. 19.

2) См. „Вестник Артельного Труда" январь-февраль 1922 г., стр. 19.

3) См. интересную статью Е. Д. Максимова „Бодрым утром" (из 50 летних воспоминаний кооператора) в „Журнале Общественно-Кооперативной Мысли" „Производсоюз" янв.-февр. 1922 г. стр. 38.

и множество артелей в других местах, оставшихся в неизвестности. Как видим народническое движение 70-х годов среди русской интеллигенции проходило под знаком пропаганды и практического осуществления производительно-трудовой кооперации (Артелей).

„Когда же в связи с „хождением в народ" в семидесятых годах (к концу их, И. А.) революционная интеллигенция убедилась, что легальная работа на пользу народа не будет допущена самодержавием, к артели наметились два отношения—пишет А. Фромет.

„Революционное народничество верило в великую силу Артели *после революции*, после того, как будет уничтожено самодержавие.

„Правое же народничество пропагандировало мысль о будничной повседневной работе и идеализировало уже не *артель будущего*, а те несовершенные (бытовые) артели, какие существовали по нашим деревням.

„Даже русский марксизм, который, начиная с первых марксистских работ Г. В. Плеханова, резко порвал с заветами русского социализма, даже русский марксизм в эпоху Группы Освобождения Труда и Благаевской группы мечтал об идеальной артели. Социалистический строй представлялся „благаевцам", как „передача земли, фабрик, заводов, орудий производства в руки рабочих обществ".

„Много десятилетий — пишет далее Б. Р. Фромет—крепко верила русская интеллигенция в идеальную артель. Однако, жизнь принесла не мало горьких разочарований и, наконец, вера русской интеллигенции в идеальную артель пошатнулась.

„Прежде всего повлияли многочисленные неудачи, когда из года в год погибали десятками, а в итоге—погибли многими сотнями, даже тысячами—артели.

„Имела значение и критика марксизма, главным образом, вера марксизма в то, что лишь прийдя через муки крупной промышленности, фабрично-заводской пролетариат приведет русский народ в социалистический строй...

„Однако больше всего разочаровалась в артельном движении русская интеллигенция потому, что идеальной артели встречать не приходилось. Работать же в артелях действительно существовавших (для интеллигенции, И. А.),—особого соблазна не было" [1]).

Таким образом, русская интеллигенция в эпоху семидесятых годов, выступая в роли аппологета артельного движения, но не принимая в нем непосредственного участия, потерпела фиаско и к 90-м годам потеряла веру в этот свой идеал. Такое же разочарование к этому времени обнаружилось и в Англии, получившее свое отражение в книге Б. Уэбб. Этим-же об'ясняются многочисленные неудачи на юге в 90-х годах без примерного энтузиаста, „артельного батьки" Н. В. Левицкого. Лишь А. Г. Штанге, организовавший в 90-х годах Павловскую Кустарн. артель и до сего времени принимающий в ней участие, достиг торжества своей идеи и закрепил результаты своей деятельности созданием артельной фабрики, которой стала Павловская Артель.

После разочарования большинства русской интеллигенции в артельном движении его место занимают непосредственно представители рабочих, ремесленников и кустарей. С начала 900-х годов в Москве и Петрограде организуются артели силами самих рабочих, и представители их выступают на с'ездах и в литературе.

Таким образом, этап пройденный общественным движением России от Парижской Коммуны до русской революции 1905 г. закончился в области производительно-трудовой кооперации тем, что из рабочей среды стали выделяться интеллигентные представители, характерным признаком интеллигентности которых является не косоворотка и длинные волосы при нежности лица и белизне рук, а духовный облик—миросозерцание и общественный подход к хозяйственной деятельности.

Революция 1905-6 г. дала значительный толчек к развитию производительно-трудовой кооперации. Начиная с этого момента число возникающих артелей, оставаясь все же сравнительно малочисленным, ежегодно увеличивается в продолжении 5 лет. Так, например, число возникающих артелей в Москве по данным рабочего-артельщика И. З. Сапожникова выражалось в следующих цифрах [1]):

в 1901 г. возникла 1 артель, в 1903 г.—2, в 1905—2, в 1906—7, в 1907—7, в 1908 г.—13, в 1909 г.—19, в 1910 г.—6 и в 1911 г. (по июнь)—8.

Приведенные числа подтверждают вышеприведенную мысль, что артельное движение приобретает силу *после революции*.

Это соображение подтверждается и действительностью текущего времени в числах всероссийского значения.

Так, например, по данным того же И. З. Сапожникова к началу 1916 г., т. е. накануне революции, в России существовало

1) См. Б. Фромет. Артель и русская интеллигенц. „Артельное Дело" янв.-фев. 1922 г. стр. 17-20.

1) Труды 3-го Всеросс. С'езда деятелей по кустарной промышлен. 1913 г. вып. III, стр. 47-48.

1083 артели [1]). Рост же промыслово-кооперативного движения за время переживаемого революционного периода по данным Статистико-Экономического Управления Главкустпрома выражался в следующих числах [2]):

На 1 января 1920 г. было 1722 кооп.
„ 1 июля 1920 г. „ 2957 „
„ 1 января 1921 г. „ 4257 „
„ 1 июля 1921 г. „ 5681 „

К ноябрю 1921 года было 6094 артелей, на 1 ноября 1921 г. было 151 союзных организаций артелей. В настоящее же время, по сообщению члена Президиума В.С.Н.Х. С. П. Середы на С'езде кустарно-промысловой кооперации (в мае с. г.) число артелей достигает 13 тысяч, а количество об'единяемых ими членов 500 тысяч.

Вышеизложенные соображения, данные и числа, кажется, достаточно убеждают в том, что *развитие производительно-трудовой кооперации находится в тесной связи с революционным движением и, в значительной мере, является его последствием.*

Теперь возникает вопрос: какие силы революции с логической неизбежностью приводят к тому, что вслед за революционным потрясением усиливается рост производительно-трудовой кооперации? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо указать, что в революции проявляются главным образом три элемента: политический, экономический и общественно-психологический; при этом, какие-бы причины не вызвали революцию к действию, общественно-психологическому элементу в ней принадлежит первая роль.

В период революции, благодаря расшатанности правительственных порядков, напряженно усиливается самосознание масс: сознание собственного достоинства, сознание политического равенства людей и их экономической независимости. И в связи с исходом революции различные причины приводят массы к идее кооперации вообще и к производительно-трудовой кооперации в частности, как к методу мирной борьбы на началах взаимной помощи и поддержки; это происходит преимущественно *„на другой день"* революции, когда наступает пора упорной, малозаметной творческой организационно-хозяйственной работы, когда революционное чувство, революционный энтузиазм, революционное действие политических верхов сменяется революционным разсудком, революционным творчеством масс.

Если революция не достигает успеха и подавляется силой, революционеры-энтузиасты, люди революционного действия, либо гибнут на баррикадах и эшафотах, либо наполняют собою тюрьмы, либо эмигрируют или уходят в подполье: революционеры же здравого рассудка простого народа, люди подлинного революционного творчества, хотя и остаются на свободе, но их возбужденное самосознание не может мириться с уделом политической и экономической зависимости; они не могут выносить притеснение предпринимателя и ищут выхода в производственно-трудовой кооперации, в организации труда на началах товарищеской равноправности. Так было, например, в России после революции 1905-6 года, когда особенно сильное развитие получили артели в Москве и на анкету в 1911 г. 4/5 из 53 ответивших артелей—сообщили „что одною из главных причин возникновения артелей является притеснение хозяев" [1]).

Когда же революция достигает торжества, политическая и экономическая власть оказывается, после низвержения буржуазии, в руках партии, представляющей трудящихся, как было в России в 1917-18 г., то на „другой день революции" правители все же приходят к признанию превосходства буржуазии над трудящимся классом. У нас в России они утверждают теперь, что „организаторский талант и хозяйственные познания русского пролетариата оказались недостаточными, чтобы организационно овладеть всею массою национализированных предприятий" и в настоящее время считают допустимым „превосходство буржуазии в отношениях хозяйственных познаний и организаторских способностей оплачивать частью своего (т. е. народного. И. А.) трудового продукта" [2]) и сдают в аренду вместе с орудиями производства и „живой инвентарь" —рабочих.

В народных же революционных низах не считают буржуазию своей природной незаменимой руководительницей, не мирятся с ее превосходством и силой, а наоборот, признают за производительно-трудовой кооперацией роль „общественной силы, стремящейся организовать народное хозяйство на трудовом начале в интересах трудящихся и выковывающей в своей среде хозяйственную демократию—лиц, способных вести общественно-кооперативное хозяйство"; они организуются в производительно-промысловые артели и считают, что „в основу производительно-промысловой кооперации должна

1) „Вестник Куст. Пром.", март 1916 г. стр. 18.

2) Журнал Обществ. Кооп. Мысли „Производ. Союз", № 20-24, 1921 г., стр. 18.

1) Труды 3-го Всеросс. С'езда деятелей по куст. пром. 1913 г. вып. III, стр. 44.

2) См. „Экономич. Жизнь" № 235 от 20 окт. 1921 г. статья Е. Варга.

быть положена не только организация сбыта, закупки и даже производства, но и организация труда, которая должна окончательно уничтожить применение наемной работы, эту форму рабства „нашего времени", и которая должна покоиться на основе самодеятельности и независимости тружеников-производителей от частного и кооперативного капитала", ибо по их мнению „только такая самодеятельная и независимая организация тружеников производителей, в которой благополучие их же зависит от результатов их деятельности, будет служить лучшим стимулом к усовершенствованию техники производства и к развитию энергии трудящихся, этого единственного, в данный момент, источника народного благополучия" [1]).

Вот те силы, которые влекут трудящихся в производительно-трудовую кооперацию после революции, и эти силы, рано или поздно, заслужат всеобщее признание.

Ив. Артельный.

НАША ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА.

Нам говорят:

—Да вы, анархисты, чистые утописты. Куда вы суетесь с вашими идеями об упразднении теперь же государственной власти? Оглянитесь кругом, отрезвитесь!

—Если бы во времена всемогущества папы Инокентия IV, когда у его ног ползали короли и императоры, кто-либо сказал, что наступит время, когда его преемники будут восседать во дворце Ватикана и писать ни для кого необязательные энциклики-декреты, то такого вольнодумца тоже сочли бы за утописта. Ныне государство всесильно не более папства. Все же, мы, анархисты, не так наивны, чтобы мечтать о немедленном и бесследном исчезновении государственной власти и осуществляющих ее политических партий. Мы знаем, что человечество очень косно в своем развитии и исжитые в теории политические доктрины, на деле еще долго будут сказываться в жизни.

Мы сейчас стремимся только к тому, чтобы ограничить власть политических партий над всеми нами,—чтобы они не имели возможности облагать нас по своему усмотрению безотчетными налогами, мешать нам свободно писать и говорить, собираться вместе и общими силами устраивать свои дела нам самим.

Мы желаем превратить партии в церкви, их вождей—в пап, их преследования свободного слова и ищущей мысли—в злобные, но бессильные анафемы с амвона, их правительственные декларации—в пустой звон колоколов, их налоги—в кружки для добровольных приношений, выставленные у входа, „на украшение храма".

Пусть кадеты уподобятся лютеранам, эс.-эры — католикам, эс.-деки — несторианцам, коммунисты—православным, народные социалисты—староверам. Только пусть все они нас, свободомыслящих, неверующих в их всемогущего бога власти, оставят в покое.

А чтобы добиться нашей независимости от государственной власти,—подобно той, которою пользуются неверующие во всех передовых странах от церкви,—нужно теперь же бороться за ограничение власти. Это ли утопия? Посмотрите каких успехов добились народы в этом направлении в развитых странах.

—Да вы конституционалисты!

—Пусть! Но мы не фарисействуем перед народом будто свободы даются законами, хотя бы называемыми „основными". Мы добиваемся полной конституции—*низведения самодержавия государственной власти до нуля.*

Вот наша практическая программа.

А *чтобы сделать* в этом направлении *один шаг, нужно захотеть сделать сто (М. Гюйо).*

ЭМИГРАНТЫ.

Когда-то один не в меру боевой с.-д., только что приехавший из самодержавной России в Лондон, встретил П. А. Кропоткина и игриво ему заявил:

—А мы *там* воюем с вами.

—Вот как!—ответил Петр Алексеевич.—А я думал вы боретесь с самодержавием.

Нам бы не хотелось полемизировать с *посюсторонней* эмиграцией (ибо существует два разряда эмигрантов: одни—бежавшие заграницу, другие—оставшиеся в России, но укрывшиеся за рубежом своей государственной идеологии), чтобы не походить на упомянутого воинственного с.-дека.

Мы воздерживаемся от критики „внутренних эмигрантов" не потому, конечно, что ждем себе больших благ и свобод от сулимых ими „*правовых*" и „*демократических*" порядков, чем от советской власти. Мы не наивны. Никакая власть добровольно не отказывается от удовольствия преследовать своих противников.

Но почему бы не поговорить о тех других, о заграничных эмигрантах. Ведь к их услугам все „свободы".

Про эмигрантов Великой Французской Революции говорили: они ничего не забы-

1) См. „Вестник Артельн. Труда", ноябрь-декабрь 1921 г. стр. 11.

ли, ничему не научились. Про наших эмигрантов можно сказать: *они все забыли, ничему не научились.*

„Я бы очень хотел", пишет один из них, известный писатель Алексей Толстой, „чтобы у власти сидели люди, которым нельзя было бы сказать:—вы убили. Но для того, предположим, чтобы посадить этих незапятнанных людей, нужно опять-таки начать с убийства, с войны, с вымаривания голодом и прочее. Порочный круг". [„Накануне" и „Изв. В.Ц.И.К." № 90 (1529)].

Практический вывод, который делает Алексей Толстой, придя к такому заключению, это—втереться в круг, чтобы вертеться в нем, как белка в колесе.

„Я уверен только в одном",—пишет дальше этот *все забывающий* (даже собственные выводы) *и ничему не научившийся*,—„что форма государственной власти в России должна теперь, после четырех лет революции,—вырости из земли, из самого корня, создаться путем эмпирическим, опытным,—и в этом, в опытном выборе и должны сказаться и народная мудрость и чаяния народа".

Словом, какую хотите, подайте ему власть,—хоть советскую, хоть царскую,—если она *опытным, эмпирическим* путем утвердилась в России, Алексей Толстой готов примкнуть к ней.

Такова вся подозрительная идеология признания de facto советской власти зарубежными эмигрантами.

Порочное кольцо?!.. Но ведь кольцо можно разбить, власть упразднить.

Такой слишком простой вывод,—похожий на разрешение задачи с Колумбовым яйцом,—невдомек нашим эмигрантам. Едва ли можно усомниться, что *народная мудрость и чаяния народа* сказались бы именно в этом направлении, если бы народ имел возможность *выбора*,—если бы посию и потусторонние политические эмигранты не упорствовали на пути убийств, войн, вымаривания голодом и проч., чтобы навязать ему свою власть.

Есть от чего придти в уныние всем жаждущим наступления того счастливого времени, когда, по предсказанию Энгельса и по ст. 9, главы V, раздела второго, Советской Конституции, „не будет... государственной власти".

„Дело" тов. Н. Павлова.

Многие из товарищей помнят о том, крайне отрицательном впечатлении, которое произвело письмо тов. Н. Павлова появившееся в „Известиях В.Ц.И.К." в сентябре прошлого года и приуроченное редакцией газеты к одновременному сообщению об известном событии. Теперь, на основании свидетельства одного общественного деятеля, не имеющего ничего общего с анархистами (кроме того, что сидел вместе с нами в тюрьме), мы можем удостоверить, что тов. Павлов не только не мог знать о вопросном событии, когда писал свое письмо, но и обусловил, при вручении, что оно не должно быть опубликовано, дабы ему не был придан характер принципиальной декларации. Кроме того, в напечатанном письме было опущено, что тов. Павлов отказывается от активной пропаганды *в течение шести месяцев*, что совершенно устраняет отступнический характер заявления.

Что побудило тов. Павлова написать вопросное заявление: минутная ли усталость и некоторая поспешность в ея проявлении?—или иллюзия, что имеет дело с заблуждающимися, но все же идейными гонителями?—или даже желание временно забронироваться от грубой силы?—все эти вопросы имеют совершенно второстепенное значение. Мы не считаем себя вправе педантично копаться в душе товарища, всей своей жизнью доказавшего,—как в царских тюрьмах и сибирской каторге, так и в изгнании и на воле,—свою преданность идеям.

Группа „Почин".

ТОЖЕ „ИДЕЙНЫЕ" ЭКСПРОПРИАТОРЫ.

В семье не без урода. Во всяком идейном движении встречаются трутни, не способные сами ничего создать и грабящие чужие трудовые ульи.

В ночь с 4-го на 5-ое мая „необнаруженные" экспроприаторы, взломав замок, проникли в нашу маленькую типографию (всего с двумя реалами), обслуживаемую личным трудом членов группы „Почин", в которой печатаются единственные на всю Россию периодические анархические органы—*Вольная Жизнь* и *Почин*, и *не тронув ничего более ценного*, опорожнили и унесли две полные кассы текстового шрифта, обезценив этим оставшееся в наборе количество. „Храбрые" экспроприаторы нашли для себя более *безопасным* ограбить неохраняемое маленькое идейное предприятие, налаженное упорным трудом и с большими жертвами,—дело, за которое мы не раз подвергались обыскам, лишались куска хлеба вследствие запечатывания типографии, были арестовываемы и приговорены к заключению в тюрьму и к ссылке.

Нравственные выродки, выдающие себя за „идейных деятелей", с такой же легкостью переходят к расстрелу людей, после того как на словах распинались против смертной казни, как от мнимо „идейных" экспроприаций к грабежу трудящихся.

Сторонники „идейных экспроприаций" пусть на этом примере убедятся до какого нравственного разложения доводят их „принципы".

Ред. „Почин".

К сведению читателей.

—По независящим от редакции обстоятельствам настоящий номер выходит с опозданием, а письмо П. А. Кропоткина печатается с выпуском 11 строк.

—„Почин" высылается всем лицам, группам и учреждениям, сделавшим соответствующий запрос, в расчете на материальную поддержку по их усмотрению *по мере получения последующих №№*.

№№ для ознакомления высылаются по получении почтовых марок для оплаты пересылки.

Запросы, материалы и деньги просим направлять по адресу ответственного редактора:

МОСКВА, Коровий Вал, дом 16, кв. 14.
Тов. А. Атабекян.

Типогр. Труд. Арт. „Почин", Коровий Вал. 23.—Р. Ц. № 1765.